

МАСТЕЙН

**АВТОБИОГРАФИЯ
ИКОНЫ ХЕВИ-МЕТАЛА**

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

18+

Боги метал-сцены

Дэйв Мастейн

**Мастейн. Автобиография
иконы хеви-метала**

«ЭКСМО»

2010

УДК 785:929(73)

ББК 85.318(3)-8

Мастейн Д.

Мастейн. Автобиография иконы хеви-метала / Д. Мастейн — «Эксмо», 2010 — (Боги метал-сцены)

ISBN 978-5-04-170465-0

Дэйв Мастейн — вокалист, автор песен и гитарист хеви-метал-группы Megadeth. Перед тем как создать «совершенного монстра... совершенную группу», Мастейн был участником Metallica на тяжелой «трэшевой» сцене 1980-х. Его мемуары — это история о постоянной борьбе: за место под солнцем, музыку, признание, успех и жизнь. А также история о выживании, искуплении и вере. Мастейн вырос в Лос-Анджелесе, и его воспитала мама. Родители развелись, когда мальчику было четыре года. Будучи «одиноким» ребенком, пытаясь сбежать от суровой реальности, он придумал собственный мир. Увлёкся спортом, особенно бейсболом, и в конечном итоге начал играть музыку. Наркотики и алкоголь проходят через жизнь Мастейна красной нитью. Дэйв пристрастился еще в раннем возрасте, а «завязал», уже когда разменял пятый десяток. Еще одним испытанием стала травма, едва не поставившая крест на его карьере. Зажатый лучевой нерв чуть не стоил ему самых важных ролей в жизни: музыканта, отца и мужа. Мысль о том, что он никогда не сможет играть на гитаре, сводила с ума, вызвав рецидив и заставив Дэйва снова оказаться в объятиях наркотиков и алкоголя. Однако именно травма в конечном итоге привела музыканта к вере в Бога. Дэйв Мастейн — легенда хеви-метала; его музыка послужила вдохновением для целого поколения фанатов и музыкантов, и он доказал, что с верой возможно абсолютно все. Увлекательная, откровенная и искренняя книга идеально рисует портрет легендарного музыканта и помогает понять, как формировалась его личность. История Дэйва — поучительная и суровая. После бесцеремонного увольнения из Metallica он не только не сломался, но и нашел в себе силы продолжать, подарив миру одну из лучших металлических групп в жанре. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 785:929(73)

ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-170465-0

© Мастейн Д., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	8
1. Дорогой папочка	11
2. Прокуренные мозги	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дэйв Мастейн

Мастейн: автобиография иконы хеви-метала

Маме и папе.

Я обещал вести себя хорошо.

Эта книга посвящается всем, кто не поверил в меня...

Идите, идите, мои маленькие друзья.

Я ничего не понимаю. Былые дни не вернуть.

За свои поступки в прошлом я сполна расплатился.

И излечился.

Алекс. Заводной апельсин

Кое о чем сожалею...

Сид Вишес (Sex Pistols)

© С. Ткачук, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Примечания автора:

Некоторые имена в книге изменены с целью защитить конфиденциальность отдельных лиц.

Все фотографии и вкладки иллюстраций любезно предоставлены автором, если не указано иное.

Фотография Даниеля Гонсалеса Торисо

Пролог

С подковой в заднице

Хант, штат Техас

Январь 2002

Если хочешь оказаться на дне – похоже, это место вполне подходит. Хотя, стоит признать, что в объятый мраком извилистой диккенсовской жизни металхэда никогда не понятно, где это самое дно.

Нищета и скоротечное детство? Да.

Жестокий отец-алкоголик? И это было.

Промывающая мозги религиозная бредятина (в моем случае Свидетели Иеговы и сатанизм)? Да.

Алкоголизм, наркозависимость, беспризорность? Да, да, да.

Ранящие душу профессиональные и музыкальные неудачи? Не без этого.

Центр реабилитации? Было (раз семнадцать).

Жизнь на грани смерти? Да, и это было.

Джеймс Хэтфилд, который раньше был одним из моих лучших друзей, почти братом, однажды заметил с некоторой долей скептицизма, что я, наверное, родился с подковой в заднице. Вот как мне повезло, и я рад тому, что после стольких тревожных звончков до сих пор дышу. И должен признать, в каком-то смысле он прав. Мне действительно везет. Я одаренный. Но когда в прямой кишке застряла подкова – испытываешь адскую боль. И всегда помнишь, что эта металлическая хрень постоянно там.

И вот я снова прохожу курс реабилитации в местечке под названием Ла-Хасиенда, в сердце дикого Техас-Хилл-Кантри. Всего лишь километрах в трехстах от Форт-Уорта, но кажется, что это на другом конце света, а вокруг лишь скотоводческие фермы да детские летние лагеря. Я здесь для того, чтобы исцелиться... стать лучше. Физически, духовно, эмоционально. Как обычно, со мной лишь скромные ожидания и энтузиазм. В конце концов, это далеко не первое мое родео.

Видишь ли, в клубе анонимных алкоголиков (АА) учат нажираться, доставать наркоту, смешивать напитки и спать с женщинами так, как нигде в мире. АА – и это действительно верно в отношении большинства программ реабилитации и лечебных центров – это братство, и, как все братья, мы любим обмениваться историями. Нелепый способ начать свои *нарко-лѳги* и *алко-лѳги*, как они это называют. Но больше всего меня раздражало постоянное стремление продемонстрировать свое превосходство над другими. Ты рассказываешь историю, обнажая душу, а рядом сидит парень и, ухмыляясь, говорит:

– Э, чувак, да я столько опрокинул, сколько ты за всю жизнь не принял.

– Че, серьезно?

– Зуб даю!

– Ну, принял я немало, поэтому, видимо, ты тот еще рукожоп.

Мне почему-то такие разговоры несильно помогали, и я никогда не чувствовал, что мне лучше и я ощущаю себя человеком. Иногда мне и вовсе становилось только хуже. По иронии судьбы, именно в клубе АА я впервые узнал о том, как легко достать болеутоляющее через интернет. Мне в тот момент не требовались никакие определенные болеутоляющие, но женщина так о них рассказывала, что казалось, можно поймать реальный кайф. И вскоре упаковки препаратов стали привозить мне домой, и подсел я капитально. К тому времени я уже был известной на весь мир рок-звездой – основателем, фронтменом, вокалистом, композитором и гитаристом (и де-факто руководителем) Megadeth, одной из самых популярных групп в хеви-

метале. У меня красавица-жена и двое замечательных детей, великолепный дом, машины, и столько денег, сколько я даже не мечтал иметь. И был готов все это бросить. Видишь ли, это была всего лишь маска – в действительности же я чувствовал себя жалким неудачником: надо-ели гастролы, грызня между участниками группы, необоснованные требования менеджмента и руководителей звукозаписывающих компаний, одинокая, одурманенная наркотиками жизнь. И, как всегда, я не смог увидеть, что все, что у меня было, – гораздо важнее того, чего у меня не было. Из меня будто медленно выкачали радость сочинения песен и исполнения музыки, которая долгое время не давала мне загнуться в трудные годы.

Теперь же я чувствовал себя... опустошенным.

И поэтому поехал в Хант, штат Техас, в надежде, что на этот раз смена обстановки пойдет на пользу. Или не надеялся. Мне было все равно. Понимал лишь, что нужно избавиться от болеутоляющих. Что же касается долгосрочных изменений поведения? Ну, это было далеко не на первом месте в списке приоритетов.

И вот что случилось. В самом начале своего пребывания я куда-то ушел, чтобы отдохнуть. Помню, рухнул на стул, забросил левую руку за спину, пытаюсь свернуться калачиком и уснуть. Затем просыпаюсь, приходя в себя после двадцатиминутного дрема, и, когда пытаюсь встать на ноги, что-то тянет меня назад, как будто я ремнем пристегнут к сиденью. А затем до меня доходит, что случилось: рука онемела и болтается над спинкой стула. Я смеюсь и пытаюсь снова поднять руку.

Бесполезно.

Пробую снова.

Опять ничего.

Повторяю (или делаю попытку) еще несколько раз, после чего помогаю правой рукой оторвать левую от стула. Когда отпускаю левую руку, она падает набок, бесполезно болтаясь, и от плеч до кончиков пальцев начинается покалывание. Спустя несколько минут начинаю немного чувствовать плечо и часть локтя. Но рука по-прежнему онемевшая, будто полностью обколота новокаином. Пытаюсь трясти ей, тереться, ударять о стул. Но бесполезно. Прошло десять минут. Пятнадцать. Пытаюсь сжать кулак, но пальцы не слушаются.

Открываю дверь, бегу по коридору. Тяжело дышать, отчасти потому, что я под кайфом и не в лучшей форме, но еще и потому, что жутко напуган. Врываюсь в кабинет медсестры, прижимая левую руку правой. Кричу, что заснул, а теперь не чувствую руки. Медсестра пытается меня успокоить. Она предполагает, и вполне небезосновательно, что это лишь часть *процесса* выздоровления: беспокойство и дискомфорт – обычное явление при реабилитации. Но нет. Ощущения совершенно другие.

В течение суток я уже далеко от наркодиспансера, в кабинете ортопеда, и он проводит рукой по бицепсам и вниз к предплечью, тщательно прослеживая путь нерва и объясняя, что нерв сильно зажат, словно соломинка, прижатая гранью стакана. Когда циркуляция крови нарушена таким образом, объясняет он, нерв поврежден; иногда он просто ослабевает и перестает функционировать.

– И когда вернется чувствительность руки? – спрашиваю я.

– Через пару месяцев, процентов на 80... может быть, месяца четыре, а то и полгода подождать придется.

– А остальные 20 процентов?

Врач пожимает плечами. Настоящий техасец: что манеры, что акцент.

– Сло-о-ожно сказа-а-ать, – растягивает он.

Наступает пауза. Еще раз нервно пытаюсь сжать руку в кулак, но пальцы не слушаются. Это моя левая рука, та самая, что бегаёт по всему грифу. Выполняет всю тяжелую творческую работу. *Кормилица*, как говорят в музыкальном бизнесе.

– А когда я смогу играть на гитаре? – спрашиваю, понимая, что ответ мне совсем не понравится.

Врач делает глубокий вдох, медленно выдыхает и отвечает:

– О, сомневаюсь, что ты можешь на это рассчитывать.

– Но ведь когда-то отпустит?

Он пристально смотрит на меня. Прицеливается. И поражает в самое сердце.

– Как бы тебе сказать... НИКОГДА.

И все. Смертельный выстрел. Не могу дышать, здраво мыслить. Но каким-то образом сознание четко и ясно говорит мне: это конец Megadeth... конец карьеры... музыки больше не будет.

Жизнь остановилась.

Моя первая фотография с отцом и сестрой Дебби

1. Дорогой папочка

«Чтобы я больше не видел этого дерьма в своем доме! Ты меня понял?»

Пролистай стопку школьных фотоальбомов моего детства или юности и найдешь один из тех черно-белых силуэтов, или, может быть, даже большой вопросительный знак – алая буква А – там, где должно располагаться мое фото. Как и многие детишки, переходящие из одной школы в другую, переезжающие из города в город, я регулярно отсутствовал на уроках, поэтому для одноклассников и учителей стал кем-то вроде фантома, угрюмого рыжеволосого таинственного паренька.

Путешествие мое началось в Ла-Месе, штат Калифорния, летом 1981 года. Там я родился, хотя, возможно, зачали меня в Техасе, где родители жили в течение последних стадий своего бурного брака. Честно говоря, было две семьи: когда я родился, моим сестрам, Мишель и Сьюзен, было восемнадцать и пятнадцать соответственно (я всегда считал их своими тетушками, нежели сестрами); сестричке Дебби было три года. Не знаю, что происходило между двумя группами детей. Знаю точно, что жизнь во многом развалилась, и, в конце концов, матери пришлось самой себя обеспечивать, а отец стал в некотором роде призракной фигурой.

Фактически к тому времени, как мне исполнилось четыре года и предки наконец развелись, Джон Мастейн исчез из моей жизни. Отец, как я понимаю, был когда-то очень умным и успешным человеком, дружил с головой и руки у него росли откуда нужно, благодаря чему он смог дорасти до должности руководителя филиала Банка Америки. Оттуда он переехал в корпорацию NCR (National Cash Register), и, когда компания перешла от механической к электронной технологии, папа остался не у дел. Поскольку сфера его деятельности сузилась, то и доход, разумеется, упал. Не могу сказать точно, касались ли его неудач появившихся проблем с алкоголем, или алкоголь стал причиной его профессиональных неудач. Безусловно, мама выходила совсем не за того человека, который в 1961 году держал в страхе весь дом. Многие из того, что я знаю об отце, мне рассказывали в виде страшилок старшие сестры – истории о жестокости и общем безумном характере поступков, совершавшихся под пеленой алкоголизма. Я склонен верить, что многие их утверждения не соответствуют действительности. В глубине моего сознания есть воспоминания о том, как я сидел у отца на коленках, смотря телевизор, чувствовал запах перегара изо рта и его колючую щетину. Я не помню, чтобы он *не* пил, например, играл бы со мной в мяч на заднем дворе, учил ездить на велосипеде или что-нибудь в этом роде. Но и особой жестокости я за ним не замечал.

Хотя стой, был один момент – я играл с соседским мальчишкой в конце улицы, и почему-то отец прогулочным шагом подошел прямо к подъездной дорожке, чтобы забрать меня домой. Он был зол, правда, не помню, какие говорил слова. Кажется, о том, что я запозднился. В руке у него я заметил пассатижи. Пассатижи похожи на плоскогубцы, только больше, и почему-то папочка решил, что они ему нужны, чтобы загнать четырехлетнего сына домой. А может быть, он работал в гараже и забыл их положить, прежде чем уйти. Какой бы ни была мотивация, пассатижи вскоре отхватили немалый кусок мочки моего уха. Я закричал, а отец, казалось, этого не замечал. Он тащил меня по улице, ни разу не отпустив, а я спотыкался и падал, затем поднимался и старался идти с ним в ногу, надеясь, что ухо не оторвется от гнезда (у ушей есть гнезда? Я был совсем мелким – откуда мне было знать?).

Дэвид Скотт Мастейн, родился 13 сентября 1961 года

На протяжении многих лет я защищал имя отца от обвинений в насилии, которые очень часто сыпались на него со стороны моих сестер. Но должен признать – случай с пассатизмами не служит ему оправданием. Это не похоже на поступок трезвого любящего папочки, согласись? Но *трезвого* – очень важное слово в этом предложении. Мне лучше, чем кому-либо, известно, что под влиянием человек способен вести себя самым непотребным образом. Отец был алкоголиком; я был склонен верить, что алкоголь не делал его злым. Скорее, слабым человеком. Возможно, и человеком, который совершал плохие поступки. Но есть и другие воспоминания. Я помню доброго папу, он курил трубку, читал газету и звал меня, чтобы я поцеловал его перед сном.

Мой отец, Джон Джефферсон Мастейн

Однако после развода отец превратился в монстра. Ну, не в буквальном смысле, а в том, что все в нашей семье боялись этого человека и презирали. Он даже стал оружием, которым боролись с моим непослушанием. Если я плохо себя вел, мама кричала:

– Прекрати, иначе я отправлю тебя жить к отцу!

– О, нет! Пожалуйста... нет! Только не к нему!

Периодически случались примирения, но они никогда не длились долго, и по большей части наша семья постоянно переезжала. Мы всегда старались быть на шаг впереди отца, который, видимо, решил посвятить всю свою жизнь алкоголю и преследованию бывшей жены и детей. Опять же, не знаю, так ли все это было, но мне так описывали ситуацию, когда я рос. Мы селились в арендованном доме или квартире и первым делом бежали в магазин «Товары для дома» и брали второсортную бумагу для контактного копирования, чтобы превратить грязную вонючую кухню в нечто более приглядное. Какое-то время все было тихо и спокойно. Я играл в юношеской лиге, пытался завести друзей, а потом вдруг мама сообщала нам, что отец знает, где мы живем. И среди ночи приезжал фургон для мебели, мы паковали свои скудные пожитки и, словно беглые преступники, бежали прочь.

Мама работала горничной, и мы жили на ее зарплату, а также серию талонов на питание и медицинскую помощь и пособие от государства. Да и друзья с родственниками не давали умереть с голоду. В некоторых случаях я мог бы прожить с меньшим вмешательством в свою жизнь. Например, как это было в течение короткого промежутка времени, когда мы жили у одной из моих теток, набожной свидетельницы Иеговы. Довольно быстро это занятие стало центром нашей жизни. И поверь, ничего хорошего в этом не было – особенно для мальчишки. Внезапно мы стали проводить все свое время со Свидетелями: в среду вечером и воскресенье утром – в церковь, семинары читателей «Сторожевой башни», приглашенные ораторы по выходным, домашнее изучение Библии. Затем я шел в школу, и, пока все стояли с поднятыми над сердцем руками во время клятвы верности американскому флагу, мне приходилось спокойно стоять с руками по швам. Когда другие дети пели «С днем рождения» и задували свечи, я стоял молча. Новичку в школе довольно сложно заводить друзей, но, если ты при этом еще и псих из общества Свидетелей Иеговы... о нормальном отношении можешь забыть. Я был изгоем, которого постоянно дразнили и избивали, но это, честно говоря, здорово меня закалило.

Ненавижу котов. Этого я, вне всякого сомнения, несу к дробилке для древесных отходов

Помню, однажды пошел на работу с мамой, в очень богатый район под названием Линда-Айл в Ньюпорт-бич. Возле пристани была маленькая песочница, и несколько мальчишек гоняли мяч и играли в игру, которую еще иногда называют «Убей парня с мячом», хотя у мальчишек-подростков начала 1970-х она была более известна как «Обыграй педика». Эти ребята были больше меня и получали огромное удовольствие, издеваясь надо мной, но мне было плевать – и я не боялся. Почему? Потому что к этому времени я уже привык, что меня пинают в школе, к наказаниям теток и дядей, к травле со стороны многочисленных родственников. Почти во всем этом я винил Свидетелей Иеговы. Это же безумие, когда свояк или дядя шлепают меня, потому что якобы я нарушил некоторые непонятные правила Свидетелей. И все они прикрывались религией – на службе у якобы любящего Бога.

По крайней мере, некоторое время я пытался вписаться в Свидетели, хотя с самого начала все это напоминало гигантскую многоуровневую систему маркетинга: ты продаешь книги и журналы, с адресной доставкой, и чем больше продаешь, тем выше твое звание. Полная чушь. Мне было восемь, девять, десять лет, и я желал, чтобы поскорее наступил конец света! По сей день у меня душевные травмы, оставленные Свидетелями Иеговы. Я не слишком радуюсь приближению Рождества, потому что мне сложно поверить во все, что сопровождает этот праздник (и я говорю как человек, который теперь считает себя христианином). Я хочу верить. Люблю своих детей, люблю жену и хочу с ними праздновать. Но где-то глубоко внутри сидят сомнения и скептицизм; во всем виноваты чертовы Свидетели.

* * *

Чем заняться, если ты – одинокий ребенок, мальчик, окруженный женщинами, растущий без отца или даже отцовской фигуры? Занимаешься ерундой, создаешь собственную вселенную. Я играл во множество пластмассовых моделек – миниатюрные копии Джека Дэмпи и Джина Танни, чье соперничество я каждый вечер воссоздавал на полу своей комнаты; крошечные американские солдатики штурмовали пляж в Нормандии или вторгались на остров Иводзима. Звучит странно, согласись? Да, этот особенный мир, в моей голове был самым безопасным местом, которое только можно найти. Не хочу показаться жертвой, потому что никогда себя таковым не считал. Я думаю о себе как о выжившем. Но каждый выживший переживает какое-нибудь дерьмо, и я не стал исключением.

Спорт дал мне лучик надежды. Боб Уилки, начальник полиции Стэнтон, штат Калифорния, женился на моей сестре Сьюзен. Он был огромным спортивным парнем (ростом 193 см и весом 90 кг), бывшим игроком Низшей бейсбольной лиги, и некоторое время я считал его своим кумиром. Также он был моим первым тренером в Низшей бейсбольной лиге. Пасынок Боба, Майк (прикинь, он мой племянник), слыл лучшим подающим команды; я был начинающим кетчером (принимающим). Бейсбол я любил с рождения. Любил надевать униформу, управлять действиями, стоя на базе, и защищать свою полосу дерна так, будто от этого зависит моя жизнь. Другие ребята пытались забить, но я не давал им этого сделать. Я не делал ничего противозаконного, просто вселял в них страх Божий, если они пытались меня обыграть. И я мог ударить по мячу, став лидером лиги по количеству хоум-ранов в первом сезоне.

Не хочу сказать, что мне было суждено добиться великих результатов в бейсболе, но думаю, что мог стать спортсменом, если бы того пожелал. К сожалению, в моей жизни не было стабильности, и в какие бы секции я ни ходил, делал это в значительной степени без посторонней помощи. Некоторое время мы жили вместе со Сьюзен, пока нас снова не нашел отец, и тогда мы съезжали с квартиры, пока не заканчивались деньги, а потом нас выселяли. Тогда мы въезжали в дом к Мишель или тетушке Фриде. И так продолжалось до бесконечности. Постоянные скитания. Один дом за другим.

Я не был ленивым. Нет, мне до этого было далеко. Я стал ежедневно доставлять газеты, чтобы платить за бейсбольную экипировку и регистрационные сборы, после чего добавил второй маршрут доставки. Так у меня появлялись деньги на еду и все, что мне могло понадобиться. В этот период мы переехали из Гарден-Гроув в Коста-Месу; оба «газетных» маршрута находились на территории Коста-Месы, а моя бейсбольная команда – в Гарден-Гроув. Так что я обычно рассекал на велике, доставляя газеты, а затем рулил в Гарден-Гроув – километров пятнадцать – на тренировку. После крутил педали до дома, приезжал и ложился спать. Это безумие прекратилось почти под конец сезона, когда наш тренер, исчерпав все варианты подающих во время одного особенно тяжелого матча, указал мне на место подающего.

– Но я же не подающий, – возразил я.

– Теперь – подающий!

Я не пытался вести себя как высокомерный придурок. Просто был уставшим и не в настроении играть на новой позиции; не хотелось учиться чему-то новому или чувствовать себя неловко, а потом вынужденно крутить педали домой в подавленном и разозленном состоянии.

Поэтому я вышел на поле и сыграл, и мне удалось выиграть для команды несколько очков. Оказалось, что это был один из моих последних бейсбольных матчей.

* * *

Музыка всегда была в моей жизни, иногда фоном, иногда опережала время. Мишель вышла замуж за парня по имени Стэн, которого я считал одним из самых крутых чуваков в мире. Он тоже был копом (как и Боб Уилки, но полицейским на мотоцикле) работал в дорожном патруле Калифорнии. Стэн вставал рано утром, и слышно было, как скрипит его кожанка, звенят гестаповские ботинки, бьющиеся о пол, и он садился на свой «Харлей», заводил его, и все в округе сотрясалось. Разумеется, никто никогда не жаловался. А что они сделают – вызовут полицию? Стэн мне очень нравился, не только из-за «Харлея» и того, что с этим парнем лучше не связываться, но еще и потому, что он был действительно порядочным человеком и искренне питал любовь к музыке.

Даже будучи десятилетним ребенком, я любил смущать окружающих своим взглядом, как на этом снимке после победы моей команды из Малой лиги

Каждый раз, когда я приходил к нему домой, его стереосистема ревела, наполняя воздух звуками великих эстрадных певцов 60-х: Фрэнки Валли, Гэри Пакетта, the Righteous Brothers, Энгельберта Хампердинка. Я любил слушать всех этих ребят, и, если кажется, что для будущего воина хеви-метала это странно, – не будь так уверен. Я ни секунды не сомневаюсь, что чувство мелодии, впоследствии проявившееся в Megadeth, берет свои корни в музыке, которую я слушал в доме Стэна – и не только.

Моя сестра Дебби, к примеру, обладала шикарной коллекцией пластинок, в основном напичканной поп-звездами того времени: Кэтом Стивенсом, Элтоном Джоном и, разумеется, Beatles. Эта музыка всегда звучала в доме, впитываясь в мою кожу, и когда на окончание начальной школы мама подарила мне дешевую акустическую гитару, то не терпелось начать на ней играть. У Дебби валялись нотные книжки, вскоре я выучил несколько элементарных последовательностей аккордов. Ничего великого, конечно, но весьма неплохо для того, чтобы песни стали узнаваемыми.

Долгое время Дебби была моей лучшей подругой, человеком, с которым я проводил большую часть времени. Она приходила домой из школы, и мы вместе зависали, смотрели телевизор, играли музыку (Дебби на фортепиано, я – на гитаре). Мы могли положиться друг на друга, если становилось тяжело; мы также собачились и ссорились, как бывает у братьев и сестер, и Дебби, как правило, превосходила меня в наших спорах. Когда дело касалось драк, она могла

быть дерзкой засранкой и использовала в качестве оружия все, что попадалось под руку. В конце одной из таких драк она впилась ногтями прямо мне в предплечье и разодрала до мяса. Затем вылила тюбик Вазелина мне на волосы и, когда я пытался его соскрести, взяла мою гитару и шарахнула мне по башке, – музыкальная версия линчевания (обмазывание дегтем и обваливание в перьях).

Лучшая подружка детства, моя сестра Дебора К. Мастейн

Когда Дебби выросла и стала ходить на свидания и в итоге влюбилась в парня по имени Майк Балли, я остался не у дел. Они поженились, когда ей было семнадцать. Даже тогда я знал, что долго этот брак не продлится, и, разумеется, оказался прав. Любой, кто встречал Майка и видел его с Дебби, знал, что эти отношения обречены на провал. Какой бы ни была их страсть, она быстро прошла, и им оставалось лишь ждать, когда этот неуравновешенный союз себя изживет. Дебби была сильной и властной; «мужиком» в отношениях, своего рода Большой Мамочкой.

Однако у Майка были положительные качества, особенно для меня, как для четырнадцатилетнего начинающего гитариста. Во-первых, его мать была каким-то образом связана с Джеком Лордом, который в то время был звездой популярного телесериала «Гавайи 5.0». В 1974 году не могло быть никого круче Стива Макгарретта, и Майк не стеснялся при случае упоминать имя этого парня: «Чувак, Макгаррет мне... чуть ли не троюродный брат, ты че!». Не скажу, что я его в этом виню. Я бы поступал точно так же. Но больше всего мне нравилось, что Майк умел играть на электрогитаре и был не прочь поиграть со мной. Надо признать, гитара у него была куском дерьма; называлась *Supra*, была нелепого золотисто-красного цвета, с тремя звукоснимателями, но выполняла свою роль. На мой все еще безграмотный слух Майк казался весьма приличным музыкантом.

Младший брат Майка, Марк, также был музыкантом. Он играл на басу в группе с парнем по имени Джон Вурхис (который позже успел немного поиграть в довольно успешной группе под названием *Stryper*). Марк с Джоном слышали, как я играю, и спросили, не хочу ли я к ним в группу.

– Конечно хочу, – ответил я. – Но есть одна проблемка.

– Какая?

– У меня нет гитары.

– Нашел проблему, – сказал Марк. И одолжил свою акустическую гитару. Я, честно говоря, не понимал, что делаю. Просто знал, что мне нравится само ощущение, когда держишь гитару в руках, сочиняешь музыку, являешься частью... *чего-то*. Я был смысленным пареньком, но к урокам относился с равнодушием, даже во время учебы в начальной школе. Попадал в неприятности за то, что валял дурака или не делал домашние задания, и иногда приходилось оставаться после уроков. Честно говоря, мне было от этого неловко. Но в душе знал, что я – способный ученик, особенно если предмет меня интересовал.

Вроде музыки.

Мне нравилось это секретное оружие, эта связь – когда садишься с другим музыкантом, и начинаешь говорить, и все сидящие за столом сразу же это замечают, потому что ты говоришь на языке, который они даже не понимают и не надеются понять. Они-то думают, что это пустой треп, но это не так. Он просто... другой. И если не играешь музыку (а просто слушаешь), едва ли сможешь понять, о чем я говорю.

Поэтому, полагаю, участие в группе сводилось скорее к идее братства, товарищества, нежели к чему-либо еще.

И сексу, конечно же. Ну какой рок-н-ролл без секса?!

* * *

Однажды после обеда, когда мне было тринадцать, мы пошли репетировать к Марку. У него зависало несколько человек, в том числе и один из приятелей Марка, который жил через дорогу, и его девушка Линда. Когда я вошел в дом, Линда привлекла мое внимание. Я не был музыкантом в прямом смысле этого слова, даже по меркам подростка, но сразу же заметил, что Линда обратила на меня внимание. Она зависала со всеми вместе, пока мы немного джемовали,

а потом, увидев, что я новый соло-гитарист, представилась. И спустя пару дней бросила своего парня. Почему? Не из-за моей внешности или энергичной личности, а просто потому, что я играл на гитаре. Вспоминаю, как думал, когда Линда под села ко мне бочком и взяла за руку: «Ммммм, мне это нравится».

Брать в руки гитару вследствие притока гормонов – клише; но это действительно так, так же искренне и честно, как и любая другая муза. И ничего не изменится, когда из долговязого половозрелого подростка превращаешься во взрослого зрелого мужчину. Это меня зачастую удивляло в музыкальном бизнесе больше всего: слышишь все эти рассказы про секс, наркотики и рок-н-ролл... и отшучиваешься. А затем заглядываешь за кулисы, и угадай что? Это правда! Приезжаешь в Солт-Лейк-Сити, самую непорочную столицу среди самых честных штатов, и обнаруживаешь, что не даром рок-звезды называют это место Солт-*Ли-Жите*. Понимаешь, что эта избитая фраза существует не просто так. Это абсолютная правда, и довольно скоро пытаешься решить, каким из двух пресловутых быков хочешь быть: тем, который мчит вниз по холму на полной скорости и пристраивается к первой попавшейся телочке, или же тем, кто неспешно прогуливается у подножия холма и засаживает им всем по очереди.

* * *

Дом Марка стал местом вдохновения и экспериментов. Одной из первых песен я разучил «Panic in Detroit» Дэвида Боуи, а затем «All the Young Dudes» группы Mott the Hoople. В начале улицы жил парень, у которого можно было достать травы, и он посадил нас на различную прекрасную музыку (больше, чем кто-либо другой): Джонни Уинтер, Эмерсон, Лейк и Палмер, Triumvirate, и, конечно же, Led Zeppelin. То есть если ты играл на гитаре, ты ведь хотел быть Джимми Пейджем, верно? А если пел в рок-н-рольной группе, то хотел быть Робертом Плантом. Все пытались выучить «Stairway to Heaven», которая мне, кстати говоря, далась достаточно быстро. Но знаешь, на что я действительно подсел?

KISS.

Мне реально нравились ранние песни KISS – не только в музыкальном плане, но и стилистическом. Хотя я не был поклонником Джина Симмонса; мне нравился Эйс Фрейли, потому что он был соло-гитаристом. Мне нравилась вся эта «звездность», и KISS, казалось, возвели ее на новый уровень. Так же, как Эксл Роуз заставил всех ненавидеть рок-звезд, Джин Симмонс и Пол Стэнли заставили рок-звезд казаться какими-то унылыми и страдающими манией величия, и, насколько я мог судить, это отнюдь не плохо. KISS были одной из первых групп, которых я увидел живьем, и не мог не заметить, что невообразимое количество их поклонниц выглядели как болельщицы-танцовщицы команды «Даллас Ковбойс»: блондинки в топиках, казалось, готовы были растерзать музыкантов KISS. А если группа недоступна, ну, тогда парень, стоящий рядом в толпе, тоже сгодится.

Мою любовь к музыке, и особенно образ жизни, который она подразумевала, в нашей большой семье оценивали скептически. Мама, конечно же, всегда была против: с одной стороны, я знал, что она любит меня и поддерживает и хочет, чтобы я стал счастливым и успешным человеком. С другой стороны, алкоголизм, наркомания и дьявольская музыка ее сына противоречили принципам Свидетелей Иеговы: они *принципиально* несовместимы. Аналогично мой свояк Боб Уилки все больше разочаровывался в том, как быстро меняются мои интересы. Я ему нравился, когда играл в бейсбольной команде или был подающим надежды мастером боевых искусств (я ходил на занятия в YMCA¹ в Стэнтоне прямо через дорогу от полицейского участка Боба). Эти профессии он еще мог принять. Но играть в группе? Слушать хеви-метал?

¹ YMCA (от *англ.* Young Men's Christian Association – «Юношеская христианская ассоциация») – молодежная волонтерская организация.

Не-а.

Однажды, когда мне еще не исполнилось пятнадцать, Боб приехал домой и обнаружил, что я зависаю у него в доме и слушаю альбом Judas Priest *Sad Wings of Destiny*. Он открыл дверь, подошел к проигрывателю и убавил звук.

– Это что еще за чертовщина? – спросил он, с отвращением размахивая конвертом альбома.

– Judas Priest, – ответил я, немного оробев.

– Чье это?

– Мое, – пожал я плечами.

Услышав это, Боб кинул куртку, сделал два больших шага в мою сторону и дал в морду.

– Чтобы я больше не видел этого дерьма в своем доме! Ты понял?

Я стоял, оглушенный и потрясенный, держась рукой за щеку и едва сдерживая слезы.

– Да, сэр.

А что мне было делать? Я слишком уважал Боба, чтобы ему ответить. Он бы мне все равно задницу надрал. Чувак, на минуточку, был профессиональным спортсменом – да еще и копом! К тому же, Боб вошел в нашу семью – и в мою жизнь – как хороший парень. Он женился на Сьюзен, усыновил ее ребенка и вообще вел себя в старомодной рыцарской манере. Подобный поступок был совершенно не свойственен его характеру.

Но когда я ушел на кухню, чтобы достать немного льда из морозилки и приложить к распухшей челюсти, то задался вопросом: «*Кто, черт возьми, поднимает руку на пятнадцатилетнего пацана*»?

И еще...

Какого хера он имеет против Judas Priest?

Фотография Харальда Оймена

2. Прокуранные мозги

«Перед тем как сделать кунни, он любит полить мою киску острым соусом».

В тринадцать я впервые накурился. Мы в то время жили в Гарден-Гроув, и друг, живший в конце улицы, открыл мне волшебный мир марихуаны. Если бы этому затейливому мелкому ублюдку удалось направить свою энергию и интеллект в нужном направлении, он мог бы получить докторскую степень. Но так уж получилось, что он всегда знал, как покурить травку.

Однажды после школы мы зависали у него дома, и он предложил покурить, но необычным способом. Вместо того, чтобы скрутить косяк, этот паренек пошел к себе в комнату и вернулся с самодельным бульбулятором из банки «Принглз»!

– И что мне с этим делать? – спросил я его, когда он гордо показал мне трубку.

И затем он продемонстрировал. Спустя полчаса я шел домой по улице, шатаясь, с красными глазами и хихикал, конкретно угащенный. И с того дня я подсел.

Мне нравилось курить травку, нравилось ощущение, и поэтому я принялся экспериментировать. Оттуда я естественным образом переключился на алкоголь и другие наркотики, вскоре стал прогуливать школу и целыми днями торчал у друга, вдыхая эту баночку из-под «Принглз». Оценки сразу же испортились, и стало понятно, что стоит связаться с плохой компанией и начать принимать неверные решения, как довольно скоро твоя жизнь покатится вниз по наклонной. Не то чтобы меня это беспокоило. Я лишь говорю о том, что сегодня, будучи взрослым, сам, как родитель, могу вспомнить то время и понять, с чего все началось. Но не стоит забывать: не было никаких серьезных последствий – в любом случае, меня все это не волновало. От того, что я регулярно накуривался, существенно моя жизнь не стала хуже. Наоборот – стала более приемлемой.

Больше всего (и я думаю, это касается большинства ребят), мне хотелось чувствовать, что я куда-то вписываюсь. Хотелось быть *нужным*. Музыка в этом плане помогала. И травка. Каждый раз, когда мы переезжали в новое место, в новый городок, новую школу, я постигал новый период обучения. Я научился справляться с этим совершенно по-разному – сначала с помощью спорта, затем с помощью музыки и тусовок, а в конечном итоге, освободившись от оков Свидетелей Иегова. Не было ничего более жуткого, чем клеймо человека, ассоциировавшегося со Свидетелями, и, чтобы избежать этого позора, я сознательно вел себя так, как не предусматривают учения церкви. Мама, и тетки, и все остальные Свидетели предупреждали, что мне суждено сгореть в аду, если я не возьмусь за голову и не встану на путь истинный, но, честно говоря, мне было плевать. Я лишь хотел быть от них как можно дальше. Хотел некое подобие *нормальной жизни*, что бы это ни значило.

Бывало, я чувствовал себя грустным героем какой-нибудь сказки. Знаешь, когда ребенок оставлен на попечение злой мачехи или отчима, или какого-нибудь суррогатного опекуна, которому на самом деле глубоко насрать на благополучие детей. И печальные обстоятельства моей жизни казались менее привлекательными, чем уход в выдуманный мир, где все, что мне оставалось, – это курить траву, слушать музыку, зависать с такими же лодырями и бездельниками, как я, и, может быть, иногда пытаться с кем-нибудь перепихнуться. Музыка действительно была моим способом сбежать от реальности – все остальное шло дополнением.

* * *

Однако была одна существенная проблема, связанная с развитием нездорового аппетита к наркотикам и алкоголю.

Денежный поток.

К тому времени, как мне исполнилось четырнадцать, мы переехали в квартиру в местечке под названием Хермоза Виллидж (честно говоря, она находится не в Хермозе или Хермоза-Бич, а рядом с Хантингтон-Бич), через дорогу от колледжа Голден Уэст, куда я в итоге стал ходить на занятия. Когда мы туда переехали, я потерял связь с некоторыми друзьями и легкий доступ к траве, который был возможен благодаря им, поэтому пришлось думать, как, так сказать, не сгубить урожай. В то время 30 грамм травы можно было достать баксов за десять. И, совершенно не думая о последствиях или моральных дилеммах, я одолжил у сестры десять баксов, купил 30 грамм и пошел на работу. Скрутил сорок косяков, быстро смекнул, что к чему, и впарил каждый за пятьдесят центов. И всего лишь за какие-то несколько часов на руках было уже 20 баксов. Конечно же, до финансового магната было далеко, но я рубил фишку. И с тех самых пор был в деле: низкобюджетный торгаш травой, которому хватало, чтобы накуриться и не голодать, когда в холодильнике пусто, и, поверь, это было чаще, чем ты думаешь. Вскоре за косяк я стал просить 75 центов. Потом доллар. Затем мексиканская травка уступила более мощной и дорогой колумбийской, а та, в свою очередь, сменилась радугой² и тайской. Общество приняло курение травы с возрастающим азартом, отчего мой кошелек становился толще, а для головы, возможно, это было не так полезно. Но плевать. Я чувствовал себя как дома. Все, что мне было нужно, – немного травы, музыки и приятелей для тусовки.

Помню, посмотрел фильм «Прокуренные мозги» в старом кинотеатре Stanton Picture Palace, находившемся в юрисдикции моего свояка. В 1970-х практически не существовало никаких правил; можно было курить и пить столько, сколько душе угодно. И когда приходили копы, владелец говорил в громкоговоритель: «Дамы и господа, чтобы не нарушать нормы и правила пожарной безопасности, пожалуйста, потушите ваши курительные вещества». Затем включались вентиляторы и рассеивали дым, и копы уходили, после чего все снова зажигали косяк. Замечательное было место! Еще я смотрел там «Приключения кота Фритца» и «Дай мне кров». У меня была небольшая трубочка из двухдолларовой купюры и пакет, набитый травой, и я сидел там часами напролет, прятался и смотрел фильмы. Такой была культура. И моя жизнь.

Разумеется, маме все это не нравилось, и я ее не винил. Неоднократно я уже собирался уходить, пойти зависнуть с друзьями или послушать музыку, и приходилось предупреждать маму о том, что, возможно, принесут посылку.

– Эмм... мам?

– Да?

– Скорее всего, чувак приедет около трех часов. Заберет посылку. Она в моей комнате. Просто отдай и возьми с него двадцать пять баксов.

Мама смотрела на меня, как на безумца.

– А что в посылке, Дэвид?

– Неважно, мам. Просто отдай и все. Не парься. Все в порядке.

Поразительно, но она соглашалась. По крайней мере, первое время. Полагаю, сложно не любить своих детей, даже когда они делают твою жизнь несчастной.

В конечном итоге маме это надоело. Будучи не в силах увязать мое поведение со своими религиозными убеждениями (и, несомненно, с ужасом ожидая тот день, когда копы выбьют дверь и всех нас арестуют за наркоторговлю), мама съехала с квартиры. И меня не позвала. В свои пятнадцать я фактически был сам по себе. Освободившийся от родительской опеки несовершеннолетний подросток.

К счастью, двое парней, которые управляли многоквартирным комплексом, в итоге стали моими потрясающими клиентами. И если у меня вдруг заканчивалось бабло, когда нужно платить за аренду, достаточно было лишь выступить посредником в сделке. Пара-тройка кося-

² Радуга – смесь наркотиков в полосатой капсуле.

ков обычно решали вопрос: все счастливы и под кайфом. К этому времени я уже не просто приторговывал; я располагал довольно приличным количеством травы. И не возникало никаких проблем. Дело в том, что, когда ты голодный пятнадцатилетний подросток без реальных источников дохода и родительской поддержки или опеки, выбор невелик. Ты еще недостаточно взрослый, чтобы устроиться на нормальную работу, поэтому приходится быть более... *креативным*. Отчаянье питало во мне предпринимательский дух – а еще осознание того, что, если я не продам траву, чтобы заработать денег, останется лишь торговать задницей. Я знал многих, кто выбрал этот путь, или по крайней мере слышал о них и видел, как они работают на улицах, и не собирался этого допустить.

Тем не менее при определенных обстоятельствах я был не прочь обменять секс на наркотики или наоборот – без разницы. Была, к примеру, девчонка по имени Уиллоу, которая работала в музыкальном магазине в ТЦ Вестминстера. Мы познакомились благодаря моим частым визитам к ней в магазин, где я часами наматывал круги, пролистывая пачки винилов, пытаюсь решить, что послушать дальше и есть ли возможность усовершенствовать свои музыкальные знания. Курил травку и продавал марихуану, но мне действительно нравилась музыка, и я хотел стать классным гитаристом – только понятия не имел, как. В конечном итоге подружился с Уиллоу, которая оказалась, может быть, на пару лет старше меня, и дружба переросла в нечто большее. Я бесплатно подгонял ей травку, а она давала мне пластинки. Мы курили и слушали музыку, занимаясь сексом у меня дома. Учитывая все обстоятельства, не самое плохое сотрудничество. В конце концов, именно Уиллоу дала мне послушать мой первый альбом AC/DC – подарок, долгие годы не перестававший радовать меня после того, как мы прекратили заниматься сексом или даже видеться.

Я никогда не питал иллюзий, что для Уиллоу был не просто развлечением, а человеком, разделявшим ее музыкальные вкусы и соглашавшимся обменять травку на секс. Но даже в том возрасте я еще был недостаточно опытен, о чем узнал, когда однажды после очередных потрахушек мы лежали с ней в постели и болтали.

– Знаешь, мой парень любит, когда я выбриваю на лобке сердечко, – начала Уиллоу.

– Да, я заметил. Круто.

– А знаешь, что еще ему нравится?

– Что?

Она наклонилась и, обняв меня, прошептала на ухо.

– Прежде чем сделать мне куни, он любит полить мою киску острым соусом.

– Ого...

И на этом все. Даже перспективы получить бесконечное множество пластинок на халяву было недостаточно, чтобы стереть из головы этот образ Уиллоу и ее парня с большой бутылкой жидкого соуса. Больше мы не спали.

* * *

Когда с бизнесом стало туго и живот начинал урчать, передо мной оставалось чрезвычайно мало возможностей. Вернуться к маме я не мог – отношения слишком испортились, и ее связь со Свидетелями Иеговы исключала мой в большей степени нездоровый образ жизни. Спасение, между тем, лежало на севере. А именно, в маленьком городке Покателло, штат Айдахо. Сестра Мишель переехала туда со Стэном, который помимо того, что являлся мотополцейским, также был умелым плотником. Когда в регионе стали процветать туризм и спрос на жилье на рынке недвижимости, работы для парней вроде Стэна стало в избытке; он забросил значок и униформу и отправился зарабатывать серьезные деньги. Устав от попыток прокормить себя и жизни, которую я вел дома, я позвонил Мишель и спросил, можно ли приехать

и пожить некоторое время у нее. Она любезно согласилась, выдвинув, тем не менее, строгие условия.

Во-первых, мне нужно было вернуться в школу. Также я согласился на подработку. Мишель помогла устроиться мойщиком грязной посуды в ресторане, где она работала, – местечко под названием Ох Bow Inn. Мой племянник Стиви (сын Мишель) также работал там уборщиком посуды, поэтому это напоминало своего рода семейное дело. Но оказалось, что Стиви – та еще заноза в заднице. Он хотел сколотить группу, но у него не было денег на нормальную аппаратуру. Поэтому он «одолжил» оборудование у группы, которая выступала в ресторане. Я не имел ничего общего с этой маленькой авантюрой, но, как и следовало ожидать, стал главным объектом последующего разбирательства.

Однако это было ничто по сравнению с теми бедами, которые Стиви принес мне в школе. Не успел я прийти, а он уже пустил слух о скором прибытии своего дяди Дэйва «кунг-фу мастера из Калифорнии». Ну, разумеется, никаким кунг-фу мастером я не был; я, честно говоря, еще даже не начал ходить на занятия по кунг-фу. Брал уроки боевых искусств³ около трех лет и при необходимости мог за себя постоять. Но никакого черного пояса у меня не было, и уж точно я этим не хвастался. Уже почти сорок лет изучение боевых искусств является важной частью моей жизни – в духовном и физическом плане, – но в то время я был не более чем новичком, ходил на занятия, чтобы повысить самооценку и воспитывать чувство дисциплины.

Стиви, как и все остальные, смотрел на это по-другому. К тому времени, как я туда пришел, половина учеников школы готовы были надрать мне задницу просто ради спортивного интереса. В первый же день какой-то парень прошел мимо меня возле моего ящика и двинул локтем в живот. Я пытался отдышаться, а он посмотрел на меня и сказал с отвратительной беззубой улыбкой:

– Ты и я, парниша, будем драться сегодня после школы.

– Ты кто, мать твою, такой?

Он не ответил и, смеясь, просто ушел с отрядом гопоты.

Оказалось, что его зовут Уилбур. Никогда бы не подумал, что он сын свиновода, что фактически дало ему относительно важное место в этом социальном слое захолустья. Выбора у меня не было. Пришлось сесть на автобус до дома, и, когда я в него сел, все знали, что состоится бой между мастером кунг-фу и свиноводом. Путь из школы и обратно в сельское Айдахо состоял из многочисленных пересадок, и приходилось долгие часы ехать на автобусе. Встреча с Уилбуром состоялась во время одной из таких пересадок, пока мы ждали второго автобуса, который должен был отвезти меня в жилой автофургон, где жили Стэн и Мишель. Не успел я выйти из автобуса, как мы с Уилбуром оказались в центре большого тяжело дышащего круга кроважанных подростков.

Черт, я этого не хотел.

Уилбур поднял кулаки, как боец, и уверенно улыбнулся.

– Давай, ублюдок, – закричал он. – Ударь меня! Хотя раз дотронься, если получится.

Почему-то, когда я услышал: «Ударь меня! Дотронься...» – промелькнула мысль, что эта фраза звучит как название какой-нибудь панковской песни. Меня накрыла волна спокойствия. Мне стало смешно, что я стою в центре кучки странных кричащих парней и готов надрать задницу этому борову-сыночку свиновода из Айдахо. Я думал, что уехал из Калифорнии, чтобы избежать неприятностей. Как тогда, черт возьми, это произошло?

– Давай, чувак! Покажешь мне, чему тебя там научили? Пидор кунг-фууууууу!

³ В частности, в Шорин-рю каратэ. Примерно в это время я участвовал в своем первом турнире и обнаружил, каким непростым может быть спорт. Я выиграл свой первый матч после того, как соперник был дисквалифицирован за удар в лицо и пах. К сожалению, я не смог продолжить бой и мне пришлось уйти. – *Прим. автора.*

Тупиковая ситуация. Уилбур не хотел бить первым, потому что был крупнее; я отказался бить первым, потому что сенсей учил драться только в случае самообороны. И вот мы с ним танцевали на месте как два придурка, пока не приехал автобус. Мы сели, обошлось без приключений, и автобус тронулся с места.

Кризис миновал.

Или я так думал, пока мы не приехали на остановку Уилбура. И, выходя из автобуса, он поднял руку и залепил мне в затылок локтем. Я сразу понял, что облажался, – и не потому, что теперь вынужден был драться с Уилбуром, а скорее из-за того, что жевал довольно большой кусочек жевательного табака, большую часть которого пришлось проглотить. Если когда-нибудь случайно проглатывал табак, то знаешь, что дальше. Через несколько секунд я был выведен из строя; к тому времени, как я приехал домой, вся одежда была в блевотине.

В ответ я сделал то, что сделал бы любой на моем месте: наслал на него порчу.

Ну, может быть, не любой, но тот, чья сестра серьезно увлекается колдовством и черной магией. И для меня это было действительно началом очень длительного и тревожного заигрывания с оккультизмом, последствия которого годами меня преследовали. В то время, как бы то ни было, оккультизм казался просто удобным инструментом. Будучи крещеным лютеранином и доведенным до оцепенения Свидетелями Иеговы, к подростковому возрасту я был абсолютной пустышкой в том, что касалось религии. Вопреки общему мнению, хотя я действительно читал Сатанинскую Библию, сатанистом так и не стал – идея, если честно, казалась мне глупой, – но я, безусловно, занимался темными искусствами и ни секунды не сомневался, что они промыли мне мозги до практически невообразимой степени.

Я верил в оккультизм, и некоторые спросят: «Как ты можешь верить в оккультизм, практиковать черную магию, но не быть при этом сатанистом?» Ну, есть разница. Спроси любого, кто занимается оккультизмом, и тебе скажут, что существует множество различных групп для разных видов магии. И, как и везде, в оккультизме есть плохие и хорошие стороны.

Я лишь знаю, что и колдовство, и Свидетели Иеговы на протяжении многих лет доставили мне немало боли. Разумеется, это не одно и то же. Боль от занятий колдовством остаточная. Боль, полученная от религиозности Свидетелей Иеговы – причинная. Это все равно что когда говорят: «Эй, ты сидишь на наркоте, поэтому у вас дерьмовые отношения», и ты отвечаешь: «Нет, у нас дерьмовые отношения, и поэтому я сижу на наркоте». В любом случае, ты в заднице.

Но в тот день, когда я пытался успокоить бушующий живот, колдовство казалось вполне разумным механизмом решения проблем.

Поскольку Мишель отказалась дать взаймы, я украл у нее несколько книг и через пару дней учебы принялся за работу: смастерил куклу из хлебного мякиша, использовал семена мака, чтобы выложить на ней имя У-И-Л-Б-У-Р и завязать на шее куклы петлю, сделанную из нитки. Затем прочел проклятье из книги заклинаний. После чего взял куклу и с треском отломил одну из ног.

Сработало ли это?

Не могу сказать точно, но знаю, что почти сразу же после этого Уилбур попал в аварию и сломал ногу. Учитывая образ жизни в той части мира – нажирались в дрова и садились за руль, не думая о последствиях – и учитывая, что Уилбур был тем еще имбецилом, предполагаю, что нечто подобное неизбежно бы случилось.

А затем снова...

Жутковато, скажи?

* * *

После временного пребывания в Айдахо я вернулся в округ Ориндж и продолжил вести развязный рок-н-рольный образ жизни. Поскольку мне нравились машины, и я немного знал

о том, как они устроены, я пошел на подработку в гараж; это помогло мне как-то переждать, пока я смог набрать себе достаточно клиентов, чтобы возобновить «травяной» бизнес. Я ходил на вечерние занятия в надежде получить диплом об окончании средней школы и нашел компаньона по имени Мойра, которая стала моей первой серьезной девушкой.

В музыкальном плане я был губкой, впитывающей все, что можно, – слушал все, что мог достать, пытался научиться играть любимые партии и подражал любимым гитаристам. Днем я тусовался на пляже с лучшим корешем, Майком Джорданом, и с некоторыми другими светложими друзьями североευропейского происхождения, распивая спиртное и стараясь не сжариться на солнце. А вечером мы шатались из района в район, от одной пивной вечеринки к другой, иногда устраивая потасовки, но обычно выпивали, курили травку или смеялись над любительскими группами, которые считались «развлечением».

Но даже худшим из них удавалось сыграть что-то примитивное и достичь незначительного уровня известности, со всеми вытекающими бонусами. Помню, услышал о парне по имени Пэт Ноулс, гитаристе из нашего района, которого все считали крутым музыкантом. Затем я с ним познакомился. Сплошное разочарование! Он был худощавым мелким ублюдком, похожим на Питера Пэна, какой-то ванильный пудинг. Слишком мягкий паренек. Но Боже... как он играл! А еще был Джон Талл, полная противоположность Пэту Ноулсу. Джон был похож на дровосека – толстые руки и квадратный череп. Знаешь, когда говорят, что у взрослого лоб шириной с твои четыре пальца? Ну, вот на лбу Джона помещалось пять пальцев. Может быть, даже шесть. У него был черный Les Paul с тремя звукоснимателями, и он играл песни так, как я еще не видел. Во всяком случае, в округе. И классные песни, которые я слушал по радио и на своем восьмидорожечном магнитофоне, и, когда наблюдал, как он играет, я был дико впечатлен.

Охренеть... а этот парень крут.

Но это не все. Когда группа ушла на перерыв и Джон положил гитару, его обступили телки. И не забывай, что господин Дровосек был не самым привлекательным парнем на вечеринке. Но это не имело значения – девок подкупала именно гитара и магия музыки. Я хотел быть как он и Пэт Ноулс.

Только лучшие.

* * *

Все началось в семнадцать лет, с паренька по имени Дэйв Хармон, барабанщика из Хантингтон-Бич, чья жизнь, казалось, разительно отличалась от моей. У Дэйва была стабильная семья, и отец с матерью поддерживали сына во всех его начинаниях, в том числе в желании стать музыкантом. Они понимали, что я был фактически сам по себе, и им стало меня жаль, они открыли для меня двери своего дома и относились с добротой и пониманием. Для меня же это было все равно что выиграть в лотерею. Я жил сам по себе, пил низкосортное пиво, ел лапшу быстрого приготовления и макароны с сыром, как будто это уже прошлый век. Затем я встретил этого парня с крутыми родителями и холодильником, полным еды.

В позе а-ля Майкл Шенкер (на тот момент он играл в UFO) на домашнем концерте Panis

Мы с Дэйвом стали говорить о том, чтобы поиграть вместе и, может быть, собрать настоящую группу, которая бы утерла нос всем, кого мы видели на местных тусовках. Чтобы играть на гитаре, Дэйв пригласил своего друга по имени Рик Солис, у которого была красивая «стрела» фирмы Gibson. Как и я, Рик занимался боевыми искусствами, поэтому мы сразу же нашли общий язык. Среди моих знакомых Рик оказался также первым начинающим рокером, который был на него похож, – он был чем-то средним между Винни Винсентом и Полом Стэнли. И не случайно. Рик был одним из тех парней с врожденным чувством стиля – обожал футболки без рукавов, длинные волосы и странные коллекции ювелирных изделий рок-звезд. Еще у него был огромных размеров нос и темная кожа, что придавало ему экзотический средиземноморский внешний вид, и он был одним из самых волосатых парней, которых я встречал. Он стойко переносил превратности судьбы – волосы на груди (эй, в 1970-е это считалось вершиной мужественности) и сросшиеся брови.

Рик – первый, кто, похоже, был полон решимости хорошо играть и стать рок-звездой. Мы научили друг друга нескольким песням, начиная с «Fire» Джими Хендрикса, и большинству песен Judas Priest, и другим композициям, которые нас цепляли. Как и я, Рик только формировал свой музыкальный вкус. Вскоре он стал вести себя крайне странно и неприемлемо, что привело не только к его исключению из группы, но, и я могу лишь предполагать, к безвременной кончине (Рик часто гонял пьяным в говно и спустя несколько лет разбился на мотоцикле).

Когда Рика не стало, мы с Дэйвом решили взять на себя ответственность собрать новую группу. Первым пришел гитарист по имени Том Квеке, мой друг из вечерней школы. У Тома было три брата. Старший работал в системе госбезопасности; шикарный, классный, уважаемый парень. О среднем брате я мало что слышал – он был паршивой овцой семьи. И Том – тоже белая ворона, но тот пошел правильной дорогой. Ну, во всяком случае, пытался. Честно говоря, гитаристом он был так себе, но большего нам было и не нужно, потому что он играл только ритм; за соло-партии отвечал я.

Следующим на очереди был Боб Эванс, басист, который напоминал мне персонажа Джуниора из кантри-шоу Нее Нав. Он был коренастым, с короткими волосами и челкой и постоянно ходил в комбинезоне. Бобби выглядел... как простак. Но был довольно шустрым мальчонкой. Как и его отец, опытный звукоинженер, который собрал для дома невероятные звуковые усилители. Они были похожи на басовые корпуса из королевского зала Альберта⁴.

Мы шли, чтобы поиграть с этим чуваком, я брал с собой маленькие комбики, и Бобби врубал эти огромных размеров кабинеты, поставленные друг на друга на высоте 2,5 метров, и ударял по первой басовой струне – БААААУУУУУУ! – и выносил всю округу. У Бобби имелись деньги и машина, поэтому мы, разумеется, были рады видеть его в группе.

На тот момент нам не хватало только вокалиста – я еще не рассматривал возможность самому встать за микрофонную стойку, – и мы нашли себе певца в лице Пэта Волкеса. Пэт был худым и мускулистым, с длинными прямыми волосами – выглядел как настоящий певец. А еще – старше нас на пару лет, немного более матерый, более смысленный и знал, как сколотить группу. Мы соорудили репетиционную студию в гараже Пэта и собирались как можно чаще, чтобы практиковаться. Но у каждого, помимо этого, была еще своя жизнь. Моя заключалась в том, чтобы продавать запрещенные вещества. К тому времени я продавал не только траву, но и все, что только удавалось достать: гашиш, ЛСД, метаквалон, кокаин. Когда надо было срубить бабла, разбираться не приходилось.

Я не горжусь этим. Просто так было. Мне нужны были бабки, и это был самый легкий и эффективный способ их достать. Более того, не стоит забывать о культурной и политической обстановке. В плане химикатов 1970-е были весьма либеральным временем. Я не видел ничего опасного или аморального в том, что поглощаю и распространяю наркотики. Мне это казалось абсолютно нормальным. Учитывая мое происхождение и историю семьи, ничего удивительного в этом нет.

⁴ Альберт-холл, полное наименование: Лондонский королевский зал искусств и наук имени Альберта – концертный зал в Лондоне. Считается одной из наиболее престижных концертных площадок в Великобритании и во всем мире. Построен в память принца-консорта Альберта при его вдове королеве Виктории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.